

СМЫСЛОВАЯ АНТИТЕЗА «ГОРОД - ПРОВИНЦИЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ И.С.ШМЕЛЕВА (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «БОГОМОЛЬЕ» И РОМАНА «ПУТИ НЕБЕСНЫЕ»).

(La antítesis semántica “la ciudad-la provincia) en la obra de I. S. Shmelev (sobre la base del relato “La mantis religiosa” y la novela “Caminos celestiales”)

©Елена А. Андрюкова

Кomi государственный педагогический институт, Сыктывкар (Россия)

Elena A. Andriukova

Instituto Pedagógico Estatal de Komi, Syktyvkar (Rusia)

ISSN: 1698-322X

Fecha de recepción: 19.03.2012

Fecha de evaluación: 23.07.2012

Cuadernos de Rusística Española n° 8 (2012), 229-235

RESUMEN

En el presente artículo sobre la base de teoría del hipertexto (“Texto de Moscú”; “Texto de San-Petersburgo” como fenómenos culturales, metafísicos y literarios) se analiza la antítesis metafísica de la Ciudad/Provincia en la obra literaria de Iván Shmelev que permite establecer los conceptos nacionales clave relacionados con la tradición ortodoxa y con el ideal ético de este escritor clásico ruso del Siglo XX y descubrir los rasgos específicos de su método artístico.

Palabras clave: hipertexto, antítesis metafísica Ciudad/Provincia, tradición ortodoxa, Ivan Shmelev.

РЕЗЮМЕ

В настоящем исследовании, на базе ключевых теоретических определений сверткxта (Петербургский текст, Московский текст) в современном отечественном литературоведении, анализируется важная смысловая антитеза «город (столица) - провинция» в творчестве Ивана Шмелева. Предпринятый анализ позволяет раскрыть ключевые национальные концепты, связанные с духовно-православной традицией русской культуры и с этическим идеалом писателя, а также особенности художественного метода И.Шмелева.

Ключевые слова: сверткxт, смысловая антитеза «город (столица)/провинция», духовно-православная традиция, Иван Шмелев.

«В России центр на периферии». Это утверждение В.О.Ключевского является не только констатацией парадокса. Логика развития тезиса историка-философа направляет вектор общественного и научного внимания на безусловную значимость (особенно духовно-нравственную) провинции для понимания смыслов русской культуры. Периферия становится предметом пристального внимания как культурологии, антропологии, так и филологии, в частности, при изучении весьма популярного в отечественном литературоведении последнего десятилетия понятия

«сверхтекст», под которым понимается «сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» (Меднис, 2003, с.21). Исследователи выделяют локальные, именные, событийные сверхтексты.

В том случае, когда сложная система интегрированных текстов направленно отсылает к образу прецедентной личности, персонажа (Байрон, Пушкин, Блок, Наполеон, Онегин и т. д.), событиям, связанным с тем или иным лицом, исследователи склонны говорить об именном сверхтексте.

Если референтом сверхтекста выступает событие, оставившее след в истории, культуре, литературе (Отечественная война 1812 г., Великая Отечественная война, Холокост и т. д.), то такой сверхтекст может квалифицироваться как событийный.

Если пространство сверхтекста организуется вокруг определенного ценностно значимого локуса, то имеет место локальный сверхтекст (Петербургский, Московский, Итальянский и пр. тексты). О нем и пойдет речь далее.

После выхода в свет работы В. Н. Топорова «Петербургский текст русской литературы» встал вопрос о возможности описания других городских текстов. Понятие «провинциальный текст» возникло по аналогии, но в результате активного использования в разных научных средах утратило свою первоначальную четкость и теперь может включать в себя разный набор филологических пониманий. Однако в данной статье за рабочее определение будет принято мнение Н. Осиповой: «провинциальный текст как определенная осмысленная топонимическая данность, которую можно исследовать в рамках семиотического подхода, т.е. текст как метафора культуры» (Осипова, <http://www.studnauka.narod.ru/nvo.html>).

Место человека в мире можно описать в таких понятиях, как столица и провинция, которым может быть придан статус категорий. Столица и провинция представляют собой «антропологические феномены, имеющие <...> ценностные смыслы» (Гурин, 2009). В своей статье «Провинция: потаённая и сокровенность» С.П. Гурин рассматривает образы столицы и провинции в контексте мифопоэтического мышления.

Город часто противопоставляется деревне. Эта оппозиция достаточно очевидна, но ее можно рассмотреть в контексте соотнесения Столицы и Провинции, города большого и малого, центра и периферии. В чем же может быть усмотрена специфика провинции как антропологического феномена? С. П. Гурин обращает внимание на метафизическое значение провинции, которая всегда предстает как «исток, источник жизни страны и народа и как основа, основание, фундамент этой жизни» (Гурин, 2009).

Поэтому город невозможен без провинции, периферии. Только в их сопоставлении можно выявить дополнительные смыслы метафизики города.

Применительно к творчеству И.Шмелёва можно сказать, что антитеза «город – провинция» имеет большое значение при осмыслении нравственно-этической доминанты его произведений, обеспечивающей их словесно-концептуальное единство и являющей важным фактором моделирования Московского текста, при описании которого нельзя обойтись без анализа тех произведений, в которых персонажи выходят за пределы города.

Так, в повести «Богомолье» они в течение нескольких дней совершают паломничество в Троице-Сергиеву Лавру в 70 верстах от Москвы, в романе «Пути

Небесные» главные герои покидают город, переезжая жить в провинциальную усадьбу, а няня из Москвы из одноименной повести силой обстоятельств живет в другой стране. В данной статье смысловая антитеза «московский текст»/ «провинциальный текст» Ивана Шмелёва будет рассмотрена на материале первых двух произведений.

Главные герои «Богомолья» и «Путей небесных» живут в Москве, образ которой в литературе начала 20 века трансформируется. Идеал древней столицы с ее патриархальностью и благочестием исчезает под натиском новой жизни, в которой зачастую нет места внутренней сосредоточенности.

Так, когда герои «Богомолья», начиная путь, идут по утреннему городу, создается впечатление умиротворенности, света, чистоты и легкости. Вокруг пахнет свежеспеченным хлебом, ранней первой клубникой. Основные цвета при описании Москвы – розовый, золотой, белый. «Москва-река в розовом тумане <...> Налево – золотистый, легкий, утренний храм Христа Спасителя, в ослепительно-золотой главе: прямо в нее бьет солнце. Направо – высокий Кремль, розовый, белый с золотцем. <...> ...и вот он, священный Кремль, светлый и тихий-тихий, весь в воздухе» (Шмелев, 2008, т. 8, 40). Однако на границе города и провинции это идиллическое ощущение резко обрывается одной фразой Горкина: «Из Москвы как из ада вырвались» (Шмелев, 2008, т.8, 48), а также его дальнейшим разговором с хозяином трактира о кощунственных шутках: «В Москве наслушались этого добра. – Москва уж всему обучит» (Шмелев, 2008, т.8, 49).

То же ощущение испытывают и Дарья с Виктором Вейденгаммером из «Путей Небесных». Символично в этом смысле название главы, в которой описаны обстоятельства отъезда Виктора и Дарьи под Мценск - «Исход». Оно отсылает читателя к книге Ветхого Завета, повествующей о выходе евреев из египетского рабства, приготовленном им Самим Богом: «И сказал Господь: Я увидел страдания народа Моего в Египте и услышал вопль его от приставников его; Я знаю скорби его. И иду избавить его от руки египтян и вывести его из земли сей в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед» (Исх, 3: 7-8). Так и Виктор Вейденгаммер говорит о переезде как о предначертанном в «наджизненном Плане»: «События устремлялись, узлы как-то сами рассекались: всё совершалось, как по плану, - выталкивало и направляло, куда н у ж н о» (Шмелев, 2008, т.12, 355).

В святоотеческом толковании исход трактуется как избавление человека от власти греха, чем для героев и становится смена места жительства. Не зря в эпизоде их приезда в Мценск присутствует пасхальная тема: «... и от этого света было пасхально-радостно <...> И правда: яйца, чашки, молоко в бутылке...- всё было радостное, пасхальное» (Шмелев, 2008, т.12, 365). Эти строки предвещают множество светлых событий, которые поведут героев к духовному воскресению.

Столица не смогла помочь героям в достижении идеала внутренней жизни: «А в Москве суета, не жизнь. Ведь жизнь...это когда душа покойна в Господе» (Шмелев, 2008, т.12, 365). Город, терявший на рубеже веков внутреннюю связь с высшими нравственно-духовными ценностями (а идея «Москва – третий Рим» традиционно делала благочестие главной чертой и основой мощи Москвы), заставляет героев искать их за своими пределами.

Граница между городом и провинцией одновременно является и гранью, отделяющей друг от друга различные онтологические области, и местом, где

они встречаются, сталкиваются и проникают друг в друга, где возможен переход человека из одной области в другую, где возможна и его гибель, потеря себя и трансформация, обретение себя иного. «Исход из города подразумевает возвращение для испытания или уже в новом качестве, сакральном статусе» (Гурин, 2009).

Богомолье как нельзя лучше подходит для иллюстрации такого осмысления выхода из города. Герой должен его покинуть для совершения путешествия, подвига, для испытания и посвящения, чтобы потом вернуться обратно преображенным и совершенным:

«Так... к Преподобному думаешь? – спрашивает отец Горкина. – Желается потрудиться... давно собираюсь... - смиренно-ласково отвечает Горкин...» (Шмелев, 2008, т.8, 44); «Эка, какая хитрость, по машине... а ты потрудись Угоднику, для души!» (Шмелев, 2008, т.8, 45); «- Так и человек. Родится дите чистое, хорошее, андельская душка. А потом и обгрязнится, черная станет да вонючая, до смрада. У Бога все хорошее, все-то новенькое да чистенькое, как те досточка строгана... а сами себя поганим! Всякая душа, ну... как цветик полевой-духовитый. Ну, она, понятно, и чует - поганая она стала,- и тошно ей. Вот и потянет ее в баньку духовную, во глагольную, как в Писаниях писано: "В баню водную, во глагольную"! Потому и идем к Преподобному - пообмыться, обчиститься, совлечься от грязи-вони...» (Шмелев, 2008, т.8, 61)

В пути героев могут поджидать испытания, трудности, даже смертельная опасность: «Дорога дальняя, всё лесами. Идти не страшно, народу много идет, а бывает – припоздаешь, задержишься... а за Рохмановом овраги пойдут, мосточки, перегоны глухие, - с возов сколько раз срезали. А под Троицей Убитиков овраг есть, там недавно купца зарезали» (Шмелев, 2008, т.8, 46).

Но если преодолеть себя, свой страх, откроется совсем другое, неотмирное, радостное, необъяснимое, одним словом, сакральное. Именно провинция выражает повсеместное присутствие сакрального в мире. Вместо внешнего блеска в провинции присутствует внутренний свет, литургический «свете тихий». «Бог всегда рядом, ходит сельскими дорогами» (Гурин, 2009): «Там... Вспомнишь – и дух захватит. И радостно, и... не знаю что. Там – всё другое, не как в миру...» (Шмелев, 2008, т.8, 68); «Мы – на святой дороге, и теперь мы другие, богомольцы. И всё кажется мне особенным. Небо – как на святых картинках, чудесного голубого цвета, такое радостное. Мягкая пыльная дорога, с травкой по сторонам, не простая дорога, а святая: называется - Троицкая» (Шмелев, 2008, т.8, 69).

Важнейшей характеристикой провинции можно считать сокровенность. «По Далю **СОКРОВЕННЫЙ** (от *сокрыть*) – *сокрытый, скрытый, утаенный, тайный, потайной, спрятанный или схороненный от кого*. В слове “сокровенное” есть несколько семантических пластов. Во-первых, «сокровенность от слова “кров” = укрывание, покров, защита» (Гурин, 2009). Имеется в виду нечто, что необходимо сохранить, спрятать, скрыть, что-то очень ценное, сокровище. Кров – это и дом, человеческое жилище, внутреннее пространство семьи. Во-вторых, сокровенность – еще и «кровь, носитель жизненных сил, таинственная внутренняя сущность человека, то общее, что объединяет людей. Это нечто такое, от чего зависит полагание предела, границы человека и человеческого мира; то, что нужно оберегать и защищать» (Гурин, 2009). Провинция таит в себе сокровища (материальные и

духовные), хранит вечные ценности, передает смыслы. Она хранит дух, мифы и сказки, легенды и былины, глубинную память о началах, ценностях, о смыслах.

Интересна в этом смысле история с тележкой, на которой едут в Лавру богомольцы. Блуждая по тесным улочкам Сергиева Посада в поисках дальнего родственника соседа, у которого можно остановиться, герои попадают к его однофамильцу, оказавшегося создателем уникальной резной тележки. «Стоим и молчим. И Горкин смотрит на тележку - и тоже как будто плачет. Стал говорить, а у него голос обрывается, совсем-то слабый, как когда мне про грех рассказывал:

- Сущую правду изволили сказать, ваше степенство, что Преподобный это...- И показывает на колокольню-Троицу.- Теперь и я уж вижу, дела Господни. Вот оно что... от Преподобного такая вещь-красота вышла - к Преподобному и воротилась, и нас привела. На выезде ведь мы возчика вашего повстречали, счастливыми нас назвал, как спросили его про вас, не знамши! Путались как, искамши... и отводило нас сколько, а на ваше место пришли... привело! Преподобный и вас, и нас обрадовать пожелал... видно теперь воочию. Ну, мог ли подумать, а?! И тележку-то я из хлама выкатил, в ум вот вошло... сколько, может, годов стояла, и забыли уж про нее... А вот дождалась... старого хозяина увидала!...» (Шмелев, 2008, т.8, 74).

При выяснении всех этих обстоятельств неоднократно упоминается, что дом Сергея Ивановича стоял еще до Наполеона и теперь стоит. Эти слова отсылают читателя к основательнице его рода - прабабке Устинье, чей образ мифологизирован в «Лете Господнем». По семейному преданию, Устинья Васильевна как-то схватилась с французом-мародером, пытавшимся увести со двора корову, ее заступником оказался Наполеон, появившийся во дворе в нужное время.

Она становится ангелом-хранителем домашнего очага, создателем многочисленных традиций, которые становятся для героев руководством к жизни. К ее опыту апеллируют, когда речь заходит о соблюдении старинных обрядов и обычаев, а также о правильности тех или иных действий. «На середине моста Кривая опять становится.

Это прабабка твоя Устинья всё тут приказывала пристать, на Кремль глядела» (Шмелев, 2008, т.8, 139).

«На Вознесенье пекли у нас лесенки из теста – «Христовы лесенки», и ели их осторожно, перекрестясь. Кто лесенку ломает – в рай и не вознесется, грехи тяжелые. <...> Горкин всегда уж спросит, не сломал ли я лесенку, а то поговей Петровками. Так повелось с прабабушки Устиньи, из старых книг» (Шмелев, 2008, т.8, 183).

«Прабабушка Устинья одну молитовку мне доверила, а отец Виктор сердает... нет, говорит, такой! Есть, по старой книге» (Шмелев, 2008, т.8, 146).

«Прабабушка Устинья, бывало, маково молочко к сытовой кутье давала, а теперь новые порядки, кутьи не варим... <...> Харь этих не любила, увидит – и в печку. Отымет, бывало, у папашеньки и сожжет, а его лестовкой постегает... не поганься, харь не цепляй» (Шмелев, 2008, т.8, 208).

«Прабабушка Устинья курила в комнатах уксусом и мяткой – запахи мясоедские затомить, а теперь уж повывелось, не делаем» (Шмелев, 2008, т.8, 192).

Прадед же Иван появляется в «Лете Господнем» один раз, опять же в связи с Устиньей, а некоторые подробности о нем открываются только в «Богомолье».

Старый Аксенов рассказывает Сергею Ивановичу о знакомстве с его дедом, говоря при этом: «Все мы у Господа да у преподобного родные» (Шмелев, 2008, т.8, 159).

Семья кровная расширяется до братства во Христе, объединяя в себе, казалось бы, чужих, случайных людей, которых сводит вместе случай, а точнее, Промысел Божий: «Так все и говорят - чудо живое совершилось» (Шмелев, 2008, т.8, 126).

Так восстанавливается связь времен: в одной точке сходятся предки и родственники, старинные знакомые, в историю семьи вплетается история страны.

То же самое происходит и в романе «Пути Небесные». Покупая усадьбу под Мценском, герои и не подозревают, что множество семейных историй и тайн откроется им именно в деревне, куда они уезжают из суетной Москвы. Всё, что можно назвать случайностью, совпадением, становится в романе частью Плана, Божьего Промысла, который ведет человека. То, о чем в «Богомолье» сказано мимоходом, вскользь, здесь становится главной темой и основной мыслью.

Намеки, полузабытые воспоминания, люди из прошлого – всё это обретает плоть, смысл, четкость только при переезде в усадьбу. Открылось происхождение Дарьи, история ее родителей, связь ее со святителем Филиппом и бывшими владельцами поместья.

Сокровенность провинции позволяет человеку сохранить собственное внутреннее, интимное пространство и одновременно обнаружить в себе образ и подобие Божие, свою соразмерность вечному, бесконечному и непостижимому Богу. Роман «Пути Небесные» заканчивается именно этим: Виктор Вейденгаммер, мятущийся интеллигент, рассуждая о движении звезд с гостями усадьбы, приходит к мысли о постижении Абсолюта через веру: «Надо быть смелым: разум бессилен перед Безмерным!... Надо...верой? Лишь она, как-то, постигает Абсолютное. Другого нет...» (Шмелев, 2008, т.12, 469).

В отличие от зараженных атеизмом интеллигентов, шмелевские обитатели провинциального Ютова не блуждают в духовных потемках. Богобоязненный дворник Карп, «правдолюбец» и «хранитель добрых нравов» (Шмелев, 2008, т.12, 447), бывшая дворовая Аграфена Матвеевна, пчеловод Егорыч, обстоятельный ямщик Арефа, кучер Андрей – люди «хорошей жизни», прямодушные и открытые. Даже эпизодические персонажи у Шмелева отмечены благочестием и мудростью. Для таких людей вопрос о смысле жизни решен априори раз и навсегда: жизнь в Боге и для Бога. И хотя в романе есть упоминания об атеистических настроениях и бесчинствующих нигилистах, Ютово остается благополучным островом среди «взбаламученного моря».

Таким образом, смысловая антитеза «город (столица) - провинция», являющаяся одной из основных в культурологии и антропологии, важна и для литературоведения. Особенно интересной она становится при изучении русской литературы 20 века, когда разрыв жизни столицы с традиционной культурой начинает остро ощущаться. В творчестве И.С. Шмелева благочестие и патриархальность как способ сохранения образа Божия в человеке переносятся из Москвы на периферию, которая в сознании писателя сохраняет духовную культуру, наполняет смыслом случайности, объединяет людей в Боге.

Российская биполярность, сопряжение центров и полюсов, непрерывно

меняющееся, сочетающее в себе внутреннее единство и в то же время не снимающее их противоположности, находят свое воплощение в феномене провинциального менталитета. В нем коренятся нравственные начала общественного сознания и личностного самосознания русского человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ГУРИН, С. (2009): «Провинция: потаённость и сокровенность», литературно-философский журнал Топос, <http://www.topos.ru/article/6747>
- МЕДНИС, Н. (2003): *Сверхтексты в русской литературе*. Новосибирск.
- ОСИПОВА, Н. «Вятский провинциальный текст в культурном контексте». <http://www.studnauka.narod.ru/nvo.html>
- ШМЕЛЕВ, И. (2008): *Собрание сочинений. Сибирская благовонница*, Москва. Тт.8, 12.